

После этого случая невидимый уголок союза между Юнь Сянь и Мо Юанем словно пропитался клеящим составом, перейдя на более стабильную и основанную на взаимопонимании стадию. Если раньше их отношения были окрашены легким взаимным прощупыванием и осторожным соблюдением дистанции, то теперь в них появилось больше молчаливого доверия и готовности к взаимодействию, выросших из общего опыта противостояния врагам. Словно два грубых камня, чьи углы были незаметно сглажены, они обрели способ идеально совпасть друг с другом в своих нишах.

Осень клонилась к закату, листья платанов за окном почти полностью пожелтели: их края больше не светились нежно-золотистым, они напитались густой, сияющей желтизной, которая в лучах полуденного солнца казалась расплавленным золотом. Ветер больше не шептал — теперь он приносил с собой сухой шорох отрывающихся от веток листьев, терпеливо устлая землю бледным, но слепящим золотым ковром. В Библиотеке свитков по-прежнему царила неизменная, чуть прохладная сухость, а затхлый запах бумаги и туши словно останавливал время, изолируя это место от шума и смены сезонов во внешнем мире.

Великое дело Юнь Сянь по наблюдению и сбору данных шло успешно. Опираясь на способности Ока данных, работающего почти как чит-код, она незаметно просканировала и внесла в память все ценные, а порой и вовсе позабытые миром книги, заметки и манускрипты, хранящиеся в секторах Ц и Д, выстроив в своем сознании обширную и упорядоченную базу данных. Сейчас она занималась более глубоким анализом и сопоставлением. Фрагментарные знания, разбросанные по старым страницам — об эволюции уникальных систем силы на Континенте Доуло, о запечатанных тайнах истории, о хитросплетениях интересов и скрытых конфликтах различных сил — по крупицам превращались в объемную карту восприятия, почти недоступную для обычного человека. Эти знания не давали ей физической силы, способной расколоть гору, но служили сложнейшей системой навигации, позволяя видеть сквозь туман, предсказывать риски и обходить опасности в этом полном угроз мире.

Более того, она начала пробовать использовать эти глубоко проанализированные правила в сочетании с мощным моделированием Ока данных, чтобы, подобно искусному инженеру, медленно и беззвучно оптимизировать пути циркуляции ее собственной, до смешного слабой Духовной силы. Эффективность была невысокой, если не сказать черепашьей, но зато все было абсолютно безопасно и надежно: каждый шаг прогресса основывался на глубоком понимании, оставаясь при этом скрытым от чужих глаз за фасадом обыденности. Она была похожа на белку, которая перед наступлением холодов в укромном углу терпеливо собирает запасы, только ее запасом стали знания, правила и потенциальная способность к выживанию, которая когда-нибудь могла спасти ей жизнь.

Мо Юань по-прежнему выглядел так, словно в него вселился бог лени: большую часть времени он бездельничал в своем глубоком кресле — казалось, оно стало повторять изгибы его тела — или листал книги с пустыми обложками и непонятным содержанием. Однако острое восприятие Юнь Сянь, и в частности едва уловимые толчки, исходящие от Трона Тишины, связанных с ее душой, позволяли ей улавливать, как иногда сквозь Мо Юаня проходят потоки крайне скрытой, до предела сдержанной энергии, от которой в глубине ее души возникало странное чувство тяжести. Это было вовсе не то, что присуще обычному Мастеру Духа или даже сильному бойцу, а нечто похожее на давление высшего порядка.

Он будто практиковал некие техники, поддерживал состояние, кардинально отличавшееся от

системы культивации обычных людей этого мира. Юнь Сянь не пыталась докопаться до истины, даже Око данных не начинало анализ без ее команды. У каждого есть свои тайны и козыри, а уважение к невидимым границам — самый прочный фундамент для поддержания этих редких и приятных отношений с соседом. Любопытство губит кошку, а она хотела просто спокойно жить.

Однажды днем Мо Юань откуда-то принес набор изысканной белой нефритовой посуды для чаепития и небольшую неприметную глиняную баночку с чаем. Когда он, филигранно контролируя температуру воды с помощью Духовной силы, провел церемонию прогрева чашек и заваривания, воздух в их углу наполнился неопишуемым ароматом — чистым, легким, казалось, проникающим в самые кости и очищающим душу от мирской пыли. Даже тяжелый воздух библиотеки будто стал свежее и подвижнее.

Он не произнес ни слова и даже не взглянул в ее сторону, просто поставил чашку с прозрачным, чистым настоем на свободный край стола рядом с Юнь Сянь.

Она как раз отвлеклась от сложной симуляции энергетических контуров Инструмента Направляющего Духа, связанных со сворачиванием пространства, когда почувствовала аромат и легкое движение рядом. Юнь Сянь подняла глаза на чашку, в которой будто светился нежный ореол, а затем перевела взгляд на Мо Юаня: он уже с безмятежным видом потягивал чай, задумчиво разглядывая опавшие листья за окном.

Она отложила перо, хотя почти никогда не делала записей, решив просто соблюсти приличия, подняла теплую нефритовую чашку и, подражая ему, сначала вдохнула уникальный аромат, а затем сделала маленький глоток.

Сначала чай показался горьковатым, но в тот же миг эта горечь превратилась в невыразимое послевкусие. Мягкое тепло разлилось по горлу, согревая, и даже ментальная энергия, утомленная непрерывной работой Ока данных, словно получила облегчение и стала яснее. Еще удивительнее было то, что этот чай обладал успокаивающим эффектом: та самая струна, что была вечно натянута в ней из-за пребывания в чужом мире, немного ослабла.

— Недурно, — произнесла она, поставив чашку на место, и дала оценку, которую считала достаточно высокой и лаконичной.

Услышав это, Мо Юань чуть заметно замер, а уголки его губ едва уловимо дрогнули, изобразив подобие улыбки — так он принял это редкое положительное подтверждение от соседа.

В качестве ответного жеста за прекрасный чай на следующий день Юнь Сянь принесла коробочку со Снежными пирожными, которые она восстановила по смутным воспоминаниям из прошлой жизни, используя доступные в Городе Ухунь ингредиенты: сахар, орехи и некое подобие крохкого печенья. Хотя внешне они сильно отличались от оригинала, а вкус был иным из-за замен, то самое сочетание сладости, хруста орехов и нежности молока стало чем-то совершенно новым для этого мира. Когда она открыла крышку, в всегда ленивых и равнодушных глазах Мо Юаня мелькнуло неподдельное удивление.

Он не спеша взял кусочек, осмотрел его и положил в рот. Жевал легко, но уверенно. Доев, он выждал момент и взял второе, а после третьего достал платок, вытер руки и неспешно прокомментировал:

— Вполне сносно.

В душе Юнь Сянь не испытала никаких эмоций, кроме легкой усмешки. Она прекрасно понимала: для человека с такими требовательными вкусовыми рецепторами и скупостью на похвалы это «сносно» можно перевести как «довольно вкусно, в следующий раз принеси побольше».

Помимо достижения согласия в вопросах улучшения качества жизни, их деловое сотрудничество в противостоянии внешним помехам становилось все более отточенным, дойдя до уровня рефлексов.

Иногда появлялись новые ученики Зала Духа — любопытные и не знающие меры, которых привлекала холодная красота Юнь Сянь, склоненной над книгами, или которые просто интересовались их странной парой и пытались навязать общение.

В такие моменты Юнь Сянь даже не нужно было поднимать голову. Достаточно было Мо Юаню один раз бросить ледяной взгляд, в котором, казалось, скрывались невидимые льдинки, способные пронзить насквозь и увидеть все скрытые намерения, и добавить к этому свою спокойную ауру человека, привыкшего стоять над другими, — как пыл этих юношей моментально угасал. Они словно облитые ледяной водой осознавали свою настойчивость, бормотали извинения и спешили ретироваться.

Если же им попадались старые дьяконы или ученые, любившие поучать или завести долгие беседы, чтобы блеснуть знаниями, Юнь Сянь вовремя демонстрировала слабую вспомогательную роль ее боевого духа в виде книги. Стоило человеку высказать расплывчатую просьбу, как она тут же с предельной точностью называла номер стеллажа, полку, а иногда даже страницу и строчку, где описывалась нужная тема. Этот поток четкой информации моментально удовлетворял любопытство собеседника и давал понять, что лишние разговоры здесь бесполезны, после чего тот, удовлетворенный, но слегка обескураженный, уходил прочь.

Мо Юань отвечал за физическое выдворение и ментальное давление, умиряя незваных гостей.

Юнь Сянь отвечала за информационное подавление и экономию времени, избавляя себя от болтунов.

Разделение обязанностей было четким, эффективность — высокой, и они пресекали любые проблемы на корню.

Их уголок стал общепризнанной запретной зоной, куда никто в библиотеке не решался заглянуть. Даже старый дьякон, отвечавший за обход и всегда носивший очки с толстыми

линзами, каждый раз проходя мимо, старался ступать на цыпочки и не дышать, обходя зону по большой дуге, будто там дремали два древних ужасных зверя.

Юнь Сянь была очень довольна таким положением дел. У нее были идеальные условия для наблюдения, стабильное снабжение едой и чаем, а также могущественный, таинственный, но имеющий с ней общую цель союзник, который так же сильно ценил покой. Для человека, попавшего в другой мир, это была идеальная стартовая позиция, если бы так могло продолжаться вечно.

У нее появилось свободное время, чтобы в море накопленных данных искать совершенно бесполезные, но интересные ей вещи, не имеющие отношения к силе или правилам. Например, странные танцы брачных ритуалов вымерших Зверей Духа или историю развития узоров на одежде исчезнувших королевств. Это исследование, вызванное чистым любопытством, приносило ей редкую и простую радость исследователя из прошлого.

Мо Юань, кажется, тоже был рад поддерживать такой порядок. Он иногда пропадал из библиотеки на несколько дней, а возвращаясь, приносил с собой легкий запах дорожной пыли и необычные вещицы — вроде хрустального шара, собирающего звездный свет, — или угощения из других провинций, а потом возвращался к своей привычной дремоте и чтению, щедро делясь добычей.

Они по-прежнему говорили мало, сведя общение к минимуму. Однако спокойная и умиротворяющая атмосфера, казалось, могла длиться до скончания времен, охватывая это место, защищаемое ими обоими.

Иногда Юнь Сянь, листая книгу, смотрела на яркие, но недолговечные краски осени за окном и ловила себя на мысли: если бы жизнь в этом мире могла оставаться такой же безмятежной и спокойной, было бы совсем неплохо.

Тем не менее разум, подобно рифам под спокойной гладью моря, постоянно напоминал ей об опасности. Дерево хочет стоять тихо, но ветер не стихает. Проявленная ею ранее острота, которую заметили Золотое поколение и Се Юэ, была подобна камню, брошенному в воду: круги от нее неумолимо расплзались все дальше. Возможно, это затишье — лишь короткий и хрупкий мираж перед большой бурей.

Она невольно посмотрела в окно. Небо, еще недавно ясное, стало серым, свинцовые тучи начали собираться на горизонте, наполняя воздух тяжелым чувством давления.

Похоже, грядет перемена погоды настоящая гроза.